

С.В. РЯБУШКИНА

*(Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия)*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ОПРАВДАНИЕ «ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ» РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Аннотация: Многочисленные узуальные нарушения кодифицированных норм формообразования русского числительного – «точки роста» новых явлений – обусловлены особенностями развития нумеральной системы. Девиации, возникшие в процессе речевой деятельности, оказываются значимыми для грамматической системы языка.

Ключевые слова: имя числительное, узуальные формы, речевая деятельность, аналогия, активные процессы в русском языке

*А вот еще один анекдот, распространенный в свое время
среди западных славистов – Если человек правильно склоняет
русские числительные, то он американский шпион.
(Из обсуждения на Интернет-форуме)¹⁶*

*...язык «создается» языковой свободой говорящих: его системность
есть результат непрерывной системной деятельности.
(Э. Косериу)¹⁷*

В педагогической психологии используется термин *девиантное поведение*. Девиантное поведение «проблемного» подростка – это «болезнь роста», которая обычно свидетельствует о внутреннем конфликте, о неспособности жить в ладу с собой и с миром, о неприятии чужих и чуждых правил, о стремлении че-

¹⁶ Автор: Dee-lite (США). Дата: 06.08.2002. URL: <http://forum.exler.ru/arc/index.php?s=0&showtopic=18033&st=0> (дата обращения 23.02.2011).

¹⁷ [Косериу 2001: 73].

ловека самоутвердиться, стать самостоятельным и самодостаточным.

Имя числительное (далее ИЧ) – это, наверное, самая «проблемная» часть речи, если взглянуть на узкую вариативность с точки зрения школьной грамматики: «обыденный разговорный язык вносит много упрощений в систему счетных оборотов, и эти упрощения, проникая в речь учащихся, обуславливают наличие в ней больших отклонений от грамматических норм, особенно в употреблении сложных (*коробка с двумя карандашами*) и составных числительных (*говорили о двести семидесяти рублях*). Нет другой грамматической темы, в которой разрыв между грамматической нормой и живой речью учащихся был бы так велик» [Тукумцев 1949: 90].

Практически каждый писавший о русской грамматике и грамматических «неправильностях» речи упоминал о тех или иных вариантах, трудностях использования ИЧ:

- в конце XVIII в.: «Нарицательное имя *Число*, находящееся также в приложении, к какому бы то ни было, особенно числу: поелику при таком случае, в косвенных падежах, иногда одно только сие приложение склоняется, а особенное или действительное число остается без склонения, напр. *Числа двадцать пять, квадратным число двадцать пять, числам два и пять* лучше, нежели *числом квадратным двадцатью пятью*, и проч. разве где для особого объяснения и различения потребует сего последнего способа» [Барсов 1981: 174–175];

- в XIX в.: «Некоторые употребляют и в творительном падеже *пятидесятью, шестидесятью* и т. д.» [Востоков 1874: 44]; «Часто говорят: *Он моложе четырью годами*; правильно: *четырьмя годами*» [Справочное место... 1843: 122]; «Вместо *пятидесятью* в разговорах чаще слышно *пятидесятью*. В этом случае, отступая от одного правила, держатся другого. Другое правило позволяет числительному имени, входящему в состав других имен, оставаться в родительном падеже» [Павский 1850: 229]; «*Шерсть продавалась два и три рубля за пуд дешевле прошлогодного*, вместо: *пуд шерсти продавался двумя и тремя рублями дешевле прошлогодного... Через минуты две, через лет пять*, вместо *минуты через две, лет через пять*» [Зе-

ленецкий 1855: 22–23]; «Промахи против согласования имен числительных попадают особенно часто. Так в одном из новейших экономических исследований говорится: "*считалось всего 2981 дворянские фамилии*"» [Николич 1877: 5-6]; «Вообще печать весьма часто погрешает против правильности выражений там, где попадают имена числительные. Обыкновенное дело встретить, например, обороты: решено послать 642 *сестры* вместо: 642 *сестер*...» [Николич 1878: 22]; «...современный язык пользуется значительною свободою в употреблении числительных» [Буслаев 1959: 436]; «В числительном *пятьдесят* склоняются обе части, и совершенно неправильно, так как *десять* есть родительный падеж множественного числа и, следовательно, склоняться не может» [Бороздин 1896: 79];

- в начале XX в.: «Некоторые числительные сравнительно в недавнее время утратили свою способность изменяться по всем падежам. Для нас уже невозможно употребление форм: *стом, стами*; необычно: *во сте*; вполне возможно: *пятидесятью, шестидесятью* вместо *пятьюдесятью, шестьюдесятью* и под., которые еще рекомендуются современными грамматиками и которые нередко мы видим в книжном языке» [Чернышев 2010: 133]; «Инструментални облик *пятьюдесятью (шестьюдесятью, семьюдесятью, восьмьюдесятью)* све више је одлика књижевног језика; у обичном говору превлађује облик *пятидесятью (шестидесятью и т. д.)*, изведен аналогичном према осталим падежима» [Кошутин 1914: 122–123]; «В сложных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* склоняются обе части сложения: *пятидесяти, шестьюдесятью, семьюдесятью, восьмидесяти*. Впрочем, в твор. пад. известны и новообразования, как *пятидесятью, семидесятью*. Очевидно, в сознании говорящих утрачено представление о том, что *-десять* это форма род. мн.» [Шахматов 1952: 193];

- в середине XX в.: «Рядом с формой творительного *пятьюдесятью, шестьюдесятью* в разговорном языке наблюдается *пятидесятью* и даже *пятидесяти (с пятидесяти рублями)*» [Абакумов 1942: 104]; «В живом разговорном обиходе начинают утрачиваться формы склонения числительных (говорят: *около триста человек*)» [Тан 1950: 277]; «Стремление к точности обо-

значения выражается в современном русском языке в тенденции не склонять числительные – слова, по своему значению более других точные и всегда однозначные. В устной речи уже господствует недавно еще не допустимый вариант: *по пять человек, по сорок пять* и т. п.» [Миртов 1953: 105]; «числительные имена многими вообще не склоняются или склоняются очень небрежно» [Тимофеев 1960].

В конце XX – начале XXI вв. метаязыковые комментарии по поводу «девиантного поведения» ИЧ становятся все более эмоциональными и напоминают ворчание старшего поколения на поступки младших: «Известно, что на экзамене билет "Склонение числительных" стараются просто замять, ибо в панику впадает не только студент-абитуриент, но и сам экзаменатор, у которого через минуту в голове начинают путаться все эти "двухстами" или "двумястами", "пятьюдесятью" или "пятидесятью"» [Зимянина 1999]; «Напомним и о нескончаемой битве между ораторами и именами числительными. Вот лишь один эпизод из услышанного по радио: "... около четырехсот... простите, четырехста..." Все это, увы, похоже на повальный падёж падежей. Слушая радио, отчетливо представляешь, с какой непосильной задачей сталкивается горе-диктор. Вот он (она) взглянул на текст, впервые в жизни увидел это слово, удивился (ужаснулся) и, зажмурившись, его про-из-нес» [Зискин 2001]; «Для многих сейчас составит проблему правильно просклонять составные числительные. Как правильно – из двухсот двадцати или из "двухста" двадцати – это проблема для многих. <...> С грустью можно констатировать, что все приведенные нововведения, новоизменения подкрепляются "перевесом большинства", поскольку данное большинство только и фигурирует во всех мыслимых – официальных и неофициальных – источниках. К тому же сюда относится и подрастающее поколение, не знавшее прежнего бытования языка и отношения к нему и закрепляющее в своей речи предлагаемые инновации» [Иваницкий 2005]; «Несклонение этой части речи стало чем-то вроде игнора большой буквы в фейсбучной переписке... Зачем лишние артикуляционные усилия, если и так понятно? А "шестьюстами" попробуй произнеси. Так что к черту элегантность! Надежность и прак-

тичность – вот друзья современной коммуникации» [Туркова 2012].

Ошибки в формообразовании ИЧ воспринимаются как знаковые, как показатель общей культуры человека, как символ разрыва связи поколений, разрушения культурных традиций: «Уже и цензуру отменили, и снова ввернули мозги, но склонение числительных спасти не удастся <...> Кто не верил, что между умением правильно выговаривать числительные и пониманием времени, в котором живешь, есть прямая связь, тот и получил вместо двухтысячных – нулевые» [Гусейнов 2012: 9, 12].

Авторы известной ортологической книги «Не говори шершавым языком» выделяют прецизионные ошибки – те, что «помимо частоты их встречаемости и лингвистических оснований появления, характеризуются дополнительными социопсихологическими свойствами», это «слова и конструкции, которые служат камнем преткновения в овладении нормами литературной речи. В них постоянно совершаются в речевой практике отклонения от правил, столь же постоянно и настойчиво отмечаемые специалистами по культуре речи, искоренить которые в узусе не удастся в течение длительного времени. Этого типа ошибки и служат своего рода лакмусовой бумажкой, культурно-речевым тестом для говорящих, определяющим степень владения ими культурой русской речи. Девизом группы так понимаемых прецизионных слов и форм должен стать призыв: "Это надо выучить и знать!"» [Горбаневский, Караулов, Шаклеин 1999].

И первыми в перечне прецизионных ошибок названы девиации многокомпонентных ИЧ, несклоняемость которых авторы объясняют тем, что говорящий разрешает антинормию собеседников в пользу адресата: «Говорящий хочет, чтобы называемое им число было в точности, без искажений воспринято слушающим. <...> Чтобы на пути передачи числовой информации свети воздействие помех к минимуму, говорящий, учитывая интересы адресата речи, проговаривает числительные как неизменяемые слова. Это обстоятельство, естественно, не оправдывает ошибку, но как-то помогает понять ее возможные причины (Напомним, что в языке профессиональных военных во избежание искажений запрещается склонять названия населенных пунктов

и числительные, передающие цифровые обозначения.)» [Горбаневский, Караулов, Шаклеин 1999].

Прецизионные ошибки можно назвать диагностическими, поскольку многие из них маркируют «точки роста» новых явлений, существование «неправильностей» чем-то обусловлено, для чего-то нужно – недаром на протяжении долгого времени их невозможно изгнать из узуса (конечно, имеется в виду речь образованных людей, компетентных носителей литературного языка).

Представляется, что многочисленные узуальные нарушения кодифицированных норм формообразования русского ИЧ – сравнительно молодой части речи, сформировавшейся в письменный период истории языка, – обусловлены именно особенностями развития.

Основной (если не единственной) причиной возникновения морфологических новаций в процессе порождения речи является аналогическое влияние той или иной модели: «Аналогия, т. е. сближение по сходству, важный фактор в развитии и организации языка. <...> Аналогией вызываются и изменения в грамматическом строе языка и возникновение новых грамматических категорий. Аналогия способствует не только появлению изменений в языке, но и их упорядочению; аналогии главным образом обязан язык и закономерностью грамматического строя и устойчивостью, т. к. закономерность и выдержанная система грамматических и других фактов создается и поддерживается главным образом аналогией» [Дурново 2001: 28].

Аналогические образования отражают напряженную мыслительную деятельность говорящего: «В основе аналогии лежит образование одной формы по типу и подобию другой или других, а значит, и мысленное обобщение путей образования определенных форм в виде известного правила. Перенесение же этого правила на порождение единиц, ранее ему не подчинявшихся, свидетельствует о понимании структурного и / или семантического сходства между всеми такими единицами и о существовании ассоциативных связей между ними» [Кубрякова 1987: 45].

Рассмотрим два типа узуальных форм сложных ИЧ и прокомментируем их с разных позиций: с точки зрения говорящего,

объясняя причины появления, и с грамматической точки зрения, выявляя место девиации в системе.

1. Устранение внутреннего склонения сложных ИЧ

Сложные ИЧ принципиально отличаются от других компонентов, поскольку сохраняют внутреннее склонение (лексикализация словосочетания в косвенных падежах формально не завершена). Но сейчас идет процесс постепенного превращения недо-слова, слова-синтагмы в цельное слово, процесс формирования общей основы косвенных падежей: первый компонент оформляется по модели генитива.

Для выравнивания основы необходимо устранение внутреннего склонения у «лишних» форм (тех, чей первый компонент оформлен отлично от генитива), то есть в Дат.–Твор. у «малых» сотен и только в Твор. п. у «больших» десятков и «больших» сотен, что и происходит в узусе, например:

- «малые» сотни, Дат. и Твор. п.: *Число многофункциональных аппаратов СДМ-Банка **приближается к двухстам** (Банковское обозрение. 01.06.2008. № 6. – *Integrum*); Суд приговаривает его **к трехстам часам** трудотерапии в местном детском саду (Московская правда. 17.04.10); Количество фирм, потерпевших крах, **приближается к четырехстам** (С. Кургиян. – Суд времени. Пятый т/к. 08.11.10); В «Борисполе» из-за поломки не смог взлететь самолет **с двухстами пассажирами** (http://day.mobus.com/news_470681.html. 10.04.13); И она, и Миша понимают, что произошедшее конкретно с ним – отнюдь не показатель беспорядка в армии, что это все дикая, нелепая случайность, что виновен здесь только тот террорист в желтом «Москвиче», начиненном **четырестами граммами** тротила (Советская Россия (Москва). 17.02.05. – *Integrum*);*

- «большие» десятки и «большие» сотни, Твор. п.: *Цена за квадратный метр начинается от 15–18 тысяч долларов и заканчивается **пятидесятью–шестидесятью** (Постскриптум. ТВ «Центр». 01.03.08); Через государственные компании она владела **семидесятью четырьмя процентами** сети (Евроньюс. 02.05.12); И он сказал: «Возьми **пятьсот** самых важных биз-*

несменов из России и сравни их с **пятистами** бизнесменами из любой другой страны мира» (InfoNews. 02.01.04. – *Integrum*).

Следует заметить, что такое упрощение склонения для сложных ИЧ совсем не ново: подобными формами иллюстрировали правила склонения авторы первых российских грамматик: «Пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, осьмьдесятъ склоняются **пятидесяти, шестидесяти, семидесяти, осмидесяти, пятьюдесятью, осмидесятью** и проч.» [Ломоносов 1982: 103]; «Пятьдесят и ему подобные то есть на ь кончащиеся оному же склонению последуют ... в них обе части склоняются напр. **пятидесяти, шестидесятью, о семидесяти** и проч.» [Барсов 1981: 510]. Упрощенные косвенные падежи «малых» сотен также отмечаются еще в XIX в.: «По-видимому, только индивидуальным отклонением является у Гнедича (Военный гимн греков, 1821): "С **трехстами** храбрых – персов силы Один сдержал герой"» [Булаховский 1954: 110].

Такое упрощенное формообразование, конечно же, помогает говорящему: «По сравнению с вариантами типа **пятьюдесятью** формы с унифицированной основой типа **пятидесятью** более употребительны, особенно в разговорной речи. С точки зрения экономии произносительных усилий и стремления к стандартности грамматического образования эти последние варианты не только допустимы, но и желательны» [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 267].

Что даст эта модель системе? Во-первых, завершится лексикализация сложных ИЧ, и тогда система русских композитов станет более упорядоченной. Во-вторых, косвеннопадежная основа ИЧ будет оформлена по аналогии с основами денумеральных имен (*двухъярусный, двугорбый, пятидверный, тридцатипятилетний*), и это структурно объединит разные элементы нулевой системы.

2. Устранение плюральных форм в именах сотен

В современной речи очень активны косвеннопадежные формы имен сотен типа *двухста, пятиста*, образованные по модели двухпадежного ИЧ *сто / ста*: В Америке, например, **более двухста роботов-хирургов** в университетах (НТВ. 11.06.08); Через 7-8 секунд появится балка, которая располагается **трехста**

метрами ниже (Сейчас. Пятый т/к. 22.07.10); Здесь [в Папуа Новой Гвинее] говорят **на семиста различных языках** (Т/к «Россия-К». 26.10.13); Чингисхану был известен секрет искусственной крови, продлевающей жизнь человека **до восьмиста-девятиста лет** (Необъяснимо, но факт. ТНТ. 11.11.06.). А вот контекст, отражающий колебания говорящего; студенты рассказывают о своей технической разработке (мульти-тач стол) – и выбирают дефолтную форму ИЧ: **Можно производить до пятисо... пятиста двадцати касаний** (Утро России. Т/к «Россия-1». 24.12.10).

Пытаясь сделать выбор, говорящие используют прием, которому их научили в школе: делим ИЧ на части и склоняем отдельно каждую часть. Так, заполнив анкету по склонению ИЧ, инженер-программист в завершение исправил во всех контекстах все косвенные падежи имен сотен на *–ста* и потом объяснил мне это так: «Я помню, что там все логично. Надо разделить сотни на две части и каждую просклонять. Расчленил. Попытался по-разному просклонять *сто*, но разве *со стами рублями* говорят сейчас? Нет, всегда *со ста*».

Узуальный вариант стал особенно популярным в последнее время (см. об этой новации подробнее [Рябушкина 2013]), о чем свидетельствует практически каждая новостная программа. Например, на днях на телеканале НТВ прошел сюжет из Ростовской области о том, что в Центральной библиотеке г. Батайска открылась Справочная служба русского языка (Сегодня. НТВ. 09.11.13): диспетчер принимает по Skype вопрос «Как правильно сказать – *не хватает шестисот рублей* или *не хватает шестиста рублей?*» Вопрос сформулирован четко, вполне вероятно, что это постановочный момент, а не реальный звонок. Но показательно, что выбран именно такой вопрос – как самый яркий и типичный.

Это аналогическое влияние также имеет системное основание: в формах данного типа устраняется синтагматически связанное (только в сложных ИЧ) плюральное склонение компонента *сто*, парадигма сотен выравнивается по первой сотне – и это тоже способ лексикализации.

«Любое несоответствие норме есть проявление системности Языка», – так, полемически заостренно, определила причины

речевых девиаций М. В. Всеволодова в своем пленарном докладе на IV Международном конгрессе исследователей русского языка [Всеволодова 2010: 13]. В лингвистике существует и прямо противоположная трактовка отступлений от литературной нормы: в частности, О. А. Лаптева считает, что «развитие имеет свой рисунок, обозначающий контуры будущей системы. Ошибка случайна и бессистемна, даже если она массова. Она не принадлежит узальной норме (хотя и принадлежит узусу), потому что норма закрепляет лишь системные отношения» [Лаптева 2003: 17], и это несколько иное понимание нормы. Представляется, что в проанализированных узальных вариантах мы слышим «голос Языка», ведь «развитие языка – это не постоянное "изменение", произвольное и случайное, а постоянная *систематизация*» [Косериу 2001: 196].

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов С.И.* Современный русский литературный язык. – М., 1942.
- Барсов А.А.* Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. – М., 1981.
- Бороздин А.К.* Грамматика русского языка. Петербургские женские курсы. –СПб., 1896.
- Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. 2-е изд., испр. – М., 1954.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
- Востоков А.Ф.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. 12-е изд. – СПб., 1874.
- Всеволодова М.В.* Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Межд. конгресс исследователей русского языка (Москва, 20-23 марта 2010 г.). – М., 2010.
- Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М.* Не говори шершавым языком. – М., 1999. URL: http://gramota.ru/biblioresearch/rubric_370/

Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976.

Гусейнов Г.Ч. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу. – М., 2012.

Дурново Н.Н. Грамматический словарь: грамматические и лингвистические термины. – М., 2001.

Зеленецкий К.П. О русском языке в Новороссийском крае. – Одесса, 1855.

Зимянина Н. Нехай велик он и могуч, но и дремуч порядком тоже // Вечерний клуб. 14.08.1999.

Зискин Л. Во дни сомнений, или Пожалуйте к диктанту // Личность и культура. 2001. № 1–2. URL: <http://www.lichnost-kultura.narod.ru/2001/20011/2001104/2001104.htm>

Иваницкий В. Русский язык: болевой шок // Новая новгородская газета. 2005. № 25.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотип. – М., 2001.

Кошутић Р. Граматика руског језика. II. Облици. – Београд, 1914.

Кубрякова Е.С. Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка. – М., 1987.

Лантева О.А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (Статья первая) // Вопросы языкознания. 2003. № 6.

Ломоносов М.В. Российская грамматика Михаила Ломоносова. – М., 1982.

Миртов А.В. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. 1953. №4.

Николич П.М. Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати. I // Филологические записки. – Воронеж, 1877. Т. 16. Вып. 1.

Николич П.М. Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати. II // Филологические записки. – Воронеж, 1878. Т. 17. Вып. 1.

Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2-е. Б. Отделение 2-е. Об именах при-

лагательных, числительных и о местоимениях. 2-е изд. – СПб., 1850.

Рябушкина С.В. «Неустойчивое равновесие» русского числительного // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб-к материалов конференции 9-12 апреля 2013 г. – СПб., 2013. URL: <http://iling.spb.ru/confs/materials-fgr2013.pdf>

Справочное место русского слова. Четыреста пятьдесят поправок, с руководством к употреблению буквы Ъ. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. – СПб., 1843.

Тан Л. Запечатленный язык // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1950. Т. 23.

Тимофеев Б.Н. Правильно ли мы говорим? Заметки писателя. – Л., 1960. URL: http://uknigi.ru/koverkane_russkogo_yazyka/o_hislitelnyh_imenah.html

Тукумцев Г.Р. Имя числительное // Методические разработки по грамматике / Под ред. С.Г. Бархударова. 2-е изд. – М., 1949.

Туркова К. Трёмстам сорока пяти (О тяжкой доле составных числительных) // Московские новости. 14.11.2012.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. 4-е изд., испр. – М., 2010.

Шахматов А.А. Из «Очерка современного русского литературного языка» // Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). – М., 1952.

Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. – М., 2004.

©Рябушкина С.В., 2013